

Борис Вахтин

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

*Памяти друзей детства и юности
посвящается*

Ну, вот и здравствуйте! Давайте знакомиться: я — село Долгое. Нахожусь в северо-западной части Воронежской области, в Семилукском районе, среди дубрав и плодородных степей. Изначально судьба была благоклонна — мне определили хорошее место среди хоровода живописнейших холмов, балок и оврагов. А все потому, что эти холмы, это чудо природы создали многочисленные родники с той живительной влагой, которые объединились в ручьи. По весне они бурные, осенью скромные, и без устали бегут и бегут они в свою дальнюю даль, медленно, веками изменяя ландшафт моей местности. Красота моего ландшафта просто обворожительна, а вот та дальняя даль в действительности превратилась в прямой и длинный лог, уходящий далеко-далеко на юг. Поэтому люди и назвали этот лог Долгим, а меня нарекли сначала хутором Долгим, а позднее — селом Долгое. Так вот и есть. А я вовсе и не долгое, а вполне компактное село. И совсем я не старуха, мне всего-то триста пятьдесят лет от роду. Да мне бы еще жить да жить. Не верите? Так познакомьтесь с моей историей, ну, автобиографией, что ли. Она вам придется по душе.

Одно меня немного смущает. Судьбой я, конечно, село, да еще и Долгое. А ведь, если внимательнее ко мне присмотреться, то, скажу по секрету, душой-то я деревня!

А вот одушевленный я предмет или нет, потом решите сами. Скажу по секрету, что я особа, если можно так выразиться, очень даже интересная, но не капризная, а открытая для исторической истины. Не обижусь, если кто-то в вопросах исторической правды меня поправит, приму с покорностью. Не сомневаюсь: если ближе со мной познакомиться, то можно полюбить навсегда.

Ничто, дорогой мой читатель, не происходит просто так и так скоро.

Да и вечность — тоже понятие относительное: можно тлеть очень долго и кануть в Лету бесследно, незаметно, без памяти, без сожаления. А можно лишь на мгновение взлететь ввысь яркой звездой, озарить своим светом восторженный мир, разбросать, расплескать искры веры, надежды и любви среди людей, чтобы этот мир стал еще светлее, добрее и прекрасней.

Земли обозначенных мною степей и дубрав не были в частной собственности, а принадлежали государству Российскому.

История об этом не дает справок, но явление мое на свет произошло скорее по указу людей государевых примерно в конце 17 века.

А по данным еще 1807 года у меня уж насчитывалось 35 дворов. Но ведь и Москва тоже не сразу строилась. Государству Российскому нужен был хлеб, а тучные черноземы и благодатный климат этих мест обе-

щили хорошие урожаи и надежду на безбедную жизнь. Люди потянулись ко мне. Они получали участки для обустройства домов, придомовых хозяйств. В степи (в поле) крестьянам определяли наделы от 5 до 10 и более десятин для возделывания земли под зерновые культуры. Крестьянский труд был тяжелым всегда. Крепким считалось хозяйство, где было много детей (едоков), а значит, и будущих помощников. В особом предпочтении были крепкие мужчины и дородные женщины, и не только. Всем и всяким хватало работы — от мала до велика и с темна до темна. Ведь нужно было не только вспахать, посеять, скосить, обмолотить и убрать — нужно было еще одеть, обусть, согреть, накормить, напрясть, наткать, пошить и сделать еще много чего. И все это, представлять, своими руками. Как тут не назвать их золотыми.

Государевы же люди исправно собирали от урожая зерновых свою десятину. Все почестному, по-божески. А деревня жила, прирастала населением, дворами, территориями. Медленно, не сразу, но оформлялась, хорошела.

Причем, с учетом своего ажурного рельефа местности, мои территории застраивались без четко выраженной уличной планировки: если можно так выразиться, небольшими островками-слободками до 10-20 хозяйств. Хозяйства, огороды и сады обустраивались на ровной местности. А вот эти горы, холмы, балки, которые в народе называли неудобьем, были настоящим раздольем для летнего выпаса тружеников — копей, кормилищ-коров, овец и прочей живности. А уж ровно «подстриженная» ими трава смортелась ничем не хуже хваленых Елисейских полей. Зимой же эти горы становились центром притяжения для многочисленной шумной детворы, покорителей местных вершин на лыжах и санках. Вот уж где детскому счастью не было предела!

Хочу добавить, что народная мудрость и тонкий юмор у нас были издавна в чести. Это я к тому, что за этими слободками с давних пор и по сей день утвердились свои названия. Позволю себе некоторые названия этих слободок перечислить: Централка, Шароваровка, Козловка, Лебедевка, Семеновка, Галчевка, Котляровка, Никишовка... В большинстве случаев эти названия связаны с фа-

милиями поселенцев, в отдельных случаях они прилипались без участия острословов. Но так или иначе приживались, и это воспринималось нормально, обыденно. Названий же улиц и нумераций домов в моей деревне не было вообще до конца 20 века. Не найдете их, не ищите. Просто в моей деревне все всех знали не только в лицо, но и величали по имени и отчеству. Знали, кто, где и чем живет. А все потому, что жили люди дружно: не только щедро делились радостью, но и чужое горе воспринимали как свое.

А деревня между тем постепенно прирастала дворами, усадьбами не только за счет переселенцев, но и за счет естественного роста рождаемости населения. Подрастала молодежь, формировались новые семьи, жизнь продолжалась.

Хочу заметить, что молодежь у меня была добрая, статная, работающая — хорошая молодежь, просто загляденье. Как работали они, а как плясали, как хороводы водили — засмотришься! А песни затянут — душа волнуется!

Редко, но попадались и лихие ребята в деревне. Но тех, кто начинал тревожить, чинить недоброе, на Совете круга старейшин определяли в рекруты, в солдаты то есть. Как раз там, в ратном деле во славу Отечества, они не раз оправдывали свою дерзость, храбрость и доблесть. Честь им и хвала.

Хорошая была деревня, крепкая, люди жили в достатке. Но случалось и лихо: эпидемии и засухи, неурожаи, войны. Проходили они и по моей деревне. Люди безвинно погибали в сражениях, умирали от болезней и от голода. Трудно передать словами эту боль, да уже и не нужно. Всякое было, но выживала моя деревня, поднималась с колен, жизнь налаживалась вновь и вновь.

В 1881 году в центре деревни на самом почетном месте была возведена Иоанно-Богословская церковь. Красивая церковь, высокая, вся из дерева, нарядная такая, с колокольней! Это был большой праздник, великое событие, на радость всем прихожанам. Почему я об этом говорю? Попробую ответить. Вот если сейчас спросить у первого встречного: «Слушай, а зачем тебе выходной день?» И знаете, что он примерно ответит: «Ну, выходной, я же устал, хочу отдохнуть, пивка... прости Господи». А вот

если бы мы спросили первого прохожего тогда, 145 лет назад, он, наверное, ответил бы так: «Выходной мне дан для того, чтобы в церковь сходить, с Богом поговорить», — то есть получить духовный совет, утвердиться в своих чувствах и делах праведных.

Вот с тех пор деревне и присвоили статус села. Кстати, в 1926 году у меня насчитывалось уже 325 дворов и 1735 жителей. А праздник Иоанна-Богослова стал у нас престольным и гостеприимным — 9 октября, отмечается ежегодно по сей день. Милости прошу, не забывайте, приезжайте на родину.

Еще одно важное событие невозможно обойти мимо. Напротив церкви на противоположном живописном берегу сельского пруда в конце 19 века по государевому указу была построена церковно-приходская школа для трехлетнего обучения, где сельские дети изучали бесплатно грамматику, арифметику и Закон Божий. Хорошая была школа, на высоком каменном фундаменте, сама деревянная, окна большие, крыша железная. Сначала школа была представлена тремя классными комнатами, учительской комнатой, в центре был небольшой холл, при школе сделали небольшую пристройку для школьных мастерских. Вот так у нас началась борьба с безграмотностью. Время никогда не стоит на месте, жизнь требовала повышения образовательного уровня населения. В связи с этим школа с 1918 по 1934 год была переведена на четырехлетнее обучение. С 1934 по 1944 год осуществлен перевод сначала на семилетнее обучение, а с 1944 по 1976 год — восьмилетнее образование. Обучение в 1934 — 1976 годах проводилось в две смены.

Хочу заметить, что лица с трехлетним и четырехлетним образованием на заре 20 века были очень востребованы везде: в промышленности, в сельском хозяйстве, в военном деле. Многие из них длительно и успешно занимали даже руководящие должности и честно выполняли свои обязанности. Народная благодарность им за это и низкий поклон.

Само восьмилетнее образование открывало широкие горизонты для выпускников в плане получения как среднетехнических, так и гуманитарных специальностей с дальнейшей путевкой в трудовую жизнь. Для тех,

кто хотел учиться дальше, были открыты двери в средние школы и высшие учебные заведения. И они этот путь с успехом проходили, активно включались в развитие науки, техники, медицины, образования, сельского хозяйства и промышленности во славу нашей великой Родины.

В этом контексте хочется вспомнить и назвать имена замечательных учителей моей школы середины 50-х и 60-х годов прошлого столетия. Еще при керосиновых лампах в той самой школе без особых наглядных пособий своим неустанным и кропотливым трудом, знаниями и живым словом воспитали они многих и многих выпускников, ставших настоящими людьми, строителями и хозяевами новой жизни вне зависимости от их статуса и ранга.

Вот имена наших учителей той поры: Маликов Андрей Владимирович, Тычинин Григорий Никонорович, Тычинина Наталья Ивановна, Тычинин Николай Сергеевич, Занина Ксения Антоновна, Вахтина Александра Ивановна, Шаповалов Степан Алексеевич, Шаповалова Татьяна Николаевна, Шаповалова Ольга Васильевна, Болгова Анастасия Григорьевна, Иконописцева Клавдия Кузминична, Гончаров Макар Федорович, Гончарова Прасковья Ивановна. Их уже нет среди нас. Светлая им память.

Не могу удержаться, меня так и подмывает коснуться еще одной, можно сказать, хорошей темы. Знаете ли вы, какие 100 лет назад у меня в садах росли яблони, какие груши? Какой у них был вкус или аромат? Постараюсь перечислить лишь некоторые сорта: «воргуль», «желтушка», «лозниковка», «титовка», «преснушка», «снежный кальвин», «белый налив», «антоновка»; встречалась уже тогда и «мельба», и многие другие более современные сорта. Это я к тому, что и тогда у нас занимались и генетикой, и селекцией, и не только. Трудолюбивые люди умели все. Ведь не случайно же у нас жили Плотниковы, Мельниковы, Ткачевы, Шендриковы, Котляровы, Тычинины, Маликовы, Вахтины, Бавыкины, Скрыльниковы, Занины, Иконописцевы, Шаповаловы, Михалевы, Болговы, Смирновы, Малховы, Никоновы, Молошниковы, Лепендины... Пусть простят меня те, кого я не назвала, я просто могла запомнить за временем. Вот, к примеру, Ивановых и Сидоровых что-

то не припомню. А Петровы были, да, точно были, их дом до последнего времени стоял на краю села, по Колхозной улице (можно бы и заглянуть по весне на выходные).

И вот подошли мы с вами в этом рассказе к самой сложной, самой неоднозначной, самой противоречивой главе моей биографии. Поэтому прошу простить мои возможные неточности, ведь я не историк и не политик. Я — простая деревня, как и все города и веши нашего Отечества, — нередко была жертвой происков извечных внешних врагов, политиков и авантюристов. Такого в двадцатом веке изначально было через край.

Революцию 1917 года и отречение царя от престола население деревни восприняло с тревогой за будущее, неизвестность пугала, волнение было в мыслях и на устах каждого. Нередко это все обрастало непонятными, но тревожными слухами. Ведь столица была далеко от нас, и новости приходили не так скоро. Но это было только начало, предчувствие большой беды, которая до нас еще не докатилась. Уже в ходе Первой мировой войны многие семьи не дождались своих кормильцев, мужей, сыновей. Возвращались и искалеченные ранениями мужчины, и без ранений, хмурые, изможденные, надломленные в своем миропонимании.

Не успела деревня оправиться от этой беды, как пришла страшная гражданская война. Эта беда прокатилась по всему моему Отечеству. И опять гибли наши мужчины, неизвестно и непонятно за что и за кого? Много людей погибло в этих совсем не ратных, братоубийственных боищах. Многих в лазаретах и госпиталях скопил сыпной тиф. И снова бабий плач и стон прокатились по городам и селам. Говорили, будто и цвет нации покинул Родину, но другая земля для многих из них так и осталась чужой. Не нашли они себя на чужбине, и она их не приняла. А это тоже трагедия.

О комитетах бедноты и продрозверстках в моей деревне я припоминаю плохо. Но, справедливости ради, хочу заметить, что в моей деревне не было раскулачиваний, потому что кулаков не было, некого было кулачить. С другой стороны, кому хотелось отдавать в колхоз свою единственную кормилицу-коровку, труженицу-лошадку, как же жить дальше-то?

Результат? В 1933 году — очередной лютой голод. Людям пришлось есть лебеду, желуди, сережки лещины, чтобы не умереть. К сожалению, многие не выживали. Говорить об этом тяжело и забыть невозможно. Но деревня выжила, выстояла. Непосильным трудом и прессингом сверху создавались колхозы и совхозы. Люди тоже понемногу привыкали выживать.

О периоде репрессий. В моей деревне врагов народа и репрессий не было. А вот храм наш сгорел: то ли от случайного пожара, то ли еще от чего? Но нет у нас больше храма, не уберегли и новый не построили — прости, Господи, нас, грешных.

А марксистско-ленинская идеология начинала свой триумфальный марш вперед, заре намечу. Кстати, на мой взгляд, это у нас неплохо получалось. Но началась война. Великая Отечественная война. Самая страшная война в мировой истории. Почти все мужчины ушли на фронт, остались в деревне женщины, старики да дети. И опять боль, страдания, нужда и неизвестность на долгие 4 года. Фашист дошел и до нас, взял мою деревню без боя, зашел в обход обороны. А вот левый берег города Воронежа ему оказался не по зубам. От моей деревни до Воронежа всего-то 45 километров, потому фрицы расположили в наших местах свои тылы, склады и штабы фронта. Оккупант — он и есть оккупант, и вел себя соответственно. Но люди ему не покорились. Вскоре погнало врагов назад. Свободнее вздохнули, но ненадолго. Лозунг «Все для фронта» никто не отменял, а люди поддержали этот порыв. Победа была нужна всем. И трудились самоотверженно, со злостью, из последних сил. Там, где плуг не могли тянуть тощие коровенки, впрягались наши русские женщины. И пахали, и сеяли, и убирали, и молотили. Не жаловались, не роптали. Они ждали, очень ждали, они умели ждать. Боялись только одного: похоронок.

И была победа, и была радость, и страшный бабий вой от горечи утрат по не вернувшимся мужьям, сыновьям. Много полегло наших в ту войну, очень много. Вечная им память и вечная слава! Они погибли в том числе и за Вас, дорогие мои читатели, погибли как герои, помните об этом, не забывайте, хотя бы для того, чтобы эта черная чума не вернулась в Ваш дом опять.

Кстати, моим уроженцем является Герой Советского Союза Павел Афанасьевич Скрыльников. Прошел войну с 1941 по 1945 год. Золотую Звезду Героя получил в 1945 году за форсирование реки Дунай в декабре 1944 года с радиостанцией под огнем противника, где уже с другого берега корректировал огонь наших минометных батарей. Кроме этого, он награжден орденом Ленина, орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями. Жил и работал в Воронеже, умер в 2000 году, был похоронен на Коминтерновском кладбище с воинскими почестями. Вечная ему память. А до войны его звали просто Пашкой. А когда он вернулся со Звездой Героя, его встретили с почестями и стали величать уважительно Пашка-Герой, и он принял это с пониманием, как должное. Это правда.

И опять по всей стране-победительнице начался головокружительный подъем восстановления разрушенного врагом. Возрождались красавцы-города, развивалась и деревенька. Появилась техника, что значительно облегчило крестьянский труд. Богател колхоз, лучше стали жить и люди. Опять на склонах моих холмов появились стада коров, табуны коней, отары овец. И это радовало, как радовало и то, что моя школа вновь стала наполняться громким и веселым смехом мальчишек и девчонок, и незабываемо веселым звоном звенел там неумолимый и бессменный бронзовый колокольчик. Уже в 1960 году в моей школе обучалось 140 детишек. Ведь это самое главное, самое бесценное наше богатство. Но это была уже новая молодежь, эта молодежь не просто училась, она училась мечтать.

А какая активная и веселая жизнь по вечерам проходила в Долговском клубе. Да, прекрасная у нас была молодежь. Но пролетело это время, кануло в Лету.

И вот я, простая русская деревня, хочу сказать вам со всей крестьянской прямоотой, просто наболело. И начну вот с чего. Ну не могут люди жить просто так, сами по себе, бедно ли, богато ли, но находиться в каком-то беспорядочном брожении. Чтобы выжить, нужно объединяться вокруг сильного лидера и вокруг идеи. Нужна идея твердая, как скала! Понятная и жизнеутверждающая, как правда, и долговре-

менная на века! Только в этом случае мы утвердимся как сильная нация и сможем снискать к себе уважение! Правильно выстроенная и объединяющая людей идеология — это, если хотите, и есть вера! Прежде всего, вера в правильность выбранного коллективного пути, которая формирует любовь к Родине и формирует патриота своего Отечества.

Еще меня волнует, что у отдельной категории людей уж очень стала заметной, если так можно выразиться, инфантильность к главным жизненным ценностям, что особо тревожно в свете последних международных событий. Просто время пришло каждому сделать свой твердый выбор: кто ты? Патриот Отечества, или так, перетекающая субстанция? Священный же долг служения Отечеству у нас никто не отменял. Особенно болит моя душа о молодежи. Уничтожена была пионерия, упразднен комсомол. Так ведь ничего и не придумали взамен! А именно в это время, подрастая, юные должны свое сознание наполнять достойными представлениями об обществе, своей ответственности за все, что творится в родном Отечестве.

Случайно вспомнились несколько слов из песни о чем-то очень важном:

Я — славянин, и Бог мой — Русь моя,
В ее лугах я бегал босиком...
Любовь к земле, как и любовь к друзьям,
Вбирая с материнским молоком!¹...

Зачем все это написано? Чтобы каждый задумался... Просто нужно, чтобы моя душевная боль нашла отклик и в ваших сердцах. Тревожно мне. Ведь ни войны не было, ни эпидемии, ни голода, а вымирает село Долгое. Давно нет здесь прежнего многолюдья. Всего-то по последней переписи числится до 100 человек населения. Почти не слышно детского смеха, звона школьного колокольчика. Ведь школы той уже нет.

Некогда живописные склоны и холмы поросли высокой травой и наступающим диким лесом. Не пасутся на склонах стада домашних животных. Многие дома опустели, стоят с забитыми окнами. А яблони на осиротевших участках каждый год цветут, созре-

¹ Слова из песни Константина Фролова «Я славянин».

вают и готовы отдать свои щедрые дары в добрые и заботливые руки. Как будто ждут кого-то...

Вот я и думаю, как это могло случиться? Почему осиротела деревня? Что было не так? Почему выехала молодежь? Вопросов много, а отвечать уже вроде и некому.

Поэтому молюсь коленопреклоненно:

Дорогие мои земляки, где бы вы ни находились, куда бы не забросила вас судьба, помните о своих корнях, о своей деревне, не забывайте ее никогда. Посетите ваши родные и памятные места, ныне заброшенные, но навсегда оставившие в сердце щемящее чувство любви. Возьмите с собой горсть родной земли, пусть она станет для вас оберегом и притягательной

силой. Поклонитесь родным крестам, поклонитесь могилам близких. Помолитесь о возрождении родной деревни. Она все же еще жива, значит, есть и надежда на ее возрождение.

В селе по главным улицам уложили асфальтное дорожное покрытие. Подведен к селу природный газ, есть и электричество, все остальное можно тоже сделать.

Мне кажется, моим землякам достанет мудрости и терпения в их нелегком труде во имя лучшей жизни во всем Семилукском районе, в том числе — на радость сельским жителям. И чтобы в делах своих праведных не забыли и про меня — село Долгое. Простите и не забывайте меня, простую русскую деревню.

